

Расшифровка аудиозаписи.

Продолжение заседания: Часть 2

Судебные прения, выступления защиты.

Шапошников:

Шапошников, защитник Полиховича. Ваша честь, я хотел бы немного добавить к выступлениям адвокатов Мирошниченко и Григоренко. Я хотел бы сказать, что за время суда мы увидели очень много материалов, которые свидетельствуют о том, что все, что произошло 6 мая 2012 года никак нельзя квалифицировать, как массовые беспорядки. Мы увидели много видео, послушали потерпевших, свидетелей. Один свидетель был особенно показателен, это Тарасов, он как раз потерпевший по Алексею Полиховичу. И он сказал в суде, что забыла упомянуть прокуратура, что он просит забыть о своём допросе в декабре и просит не считать себя потерпевшим, следовательно, 318 статья у нас не подтвердилась. И то, что прокуратура просит считать всем обвиняемым две статьи: 212 и 318 — говорит о том, что не как они говорят, что «нельзя квалифицировать по одной из них», а нельзя квалифицировать ни по одной из них. В принципе, у меня всё, я считаю, что тут больше нечего добавлять.

Судья передаёт слово.

Дубровин:

Ваша честь, адвокат Дубровин, защита подсудимых Наумовой и Луцкевича. В защиту иных подсудимых, которых я представлял ранее, выскажутся другие адвокаты. Я скажу по существу обвинения Наумовой и Луцкевича. Что хотелось бы отметить по поводу статьи 212 — о массовых беспорядках — лучше и точнее, пожалуй, высказаться невозможно, чем это сделал адвокат Мирошниченко; поэтому здесь я не берусь даже дополнять ничего. По поводу наличия в действиях Луцкевича и Наумовой состава преступления по 318 статье, хотелось бы отметить следующее.

Что вменяется в вину Денису Луцкевичу? Что он, находясь 6 мая 2012 года на Болотной площади, вытянул из руки у полицейского Троерина защитный шлем «джетта», который тот держал за лямку, тем самым причинил насилие. Но вполне очевидно, что никакого насилия здесь не может быть по отношению к Троерину. Все повреждения, которые здесь перечисляло обвинение (которые были причинены Троерину), были причинены неустановленными лицами. К ним, к этим повреждениям, никакого отношения подсудимый Денис Луцкевич не имеет. А то, что было вытягивание шлема, этим, извините, ни физических, ни нравственных страданий не было причинено бойцу ОМОНа Троерину. Кроме того, он сам в судебном заседании пояснил, что ему всего лишь это действие неприятно. Всё-таки, отсутствие удовольствия не может считаться насилием. Кроме того, в судебном заседании нами был рассмотрен файл ВТС012, на котором сторона обвинения упорно не желает видеть очевидный факт, что защитный шлем из рук бойца ОМОНа Троерина вытягивает неустановленный мужчина, а Денис Луцкевич, находящийся поблизости, вообще не прикасается к данному шлему. То есть даже и те показания, которые давал боец ОМОНа Троерин в отношении Дениса Луцкевича, не соответствуют действительности. Чему мы

должны верить: его словам или тому, что мы сами видим на видеофрагментах? Думаю, ответ очевиден. Никакого иного насилия в отношении сотрудников полиции Луцкевичу Денису не вменяется. Кроме того, это же действие ему вменяется как состав преступления по части второй статьи 212, что само по себе недопустимо: вменять за одно и то же действие вину по разным преступлениям. По логике стороны обвинения получается, что он преследовал два разных умысла в один и тот же момент, совершая одно и то же действие.

В отношении Наумовой Александры. Очень много показаний свидетелей и ссылок на видеофрагменты, на которых запечатлено, как Наумова Александра бросает какие-то предметы. Во-первых, на видео не видно достоверно, чем являются эти предметы: кусками асфальта или камнями. Кроме того, на видео абсолютно не видно, куда падают данные предметы и попадают. Помимо прочего, я так понимаю, эти действия вменяются (стороной обвинения) и по 212 и 318. Здесь трудно понять логику стороны обвинения. Когда трудно понять, в чём собственно человек обвиняется конкретно, какие его действия к какой статье относятся, то, соответственно, трудно защищаться, о чём, собственно, сторона защиты заявляла в начале судебного заседания, поскольку предъявленное обвинение не соответствует требованиям, предъявляемым к нему законом, и не позволяет, соответственно, вынести справедливое законное решение. Единственным решением в данном случае может быть оправдательный приговор.

Кроме того, Наумовой предъявляется, что она попала брошенным камнем, либо куском асфальта (точно не установлено), в плечо потерпевшему Зелянину, но не представлено каких-либо бесспорных доказательств этого. Сам Зелянин заявил, что не видел, что именно брошенный Наумовой камень попал ему в плечо. Он говорил лишь о движении её руки, которое якобы он увидел. Все иные свидетели так же не говорили о том, что Наумова бросала какой-либо камень, и именно этот камень попал в плечо Зелянина. И от этого у него образовался синяк. Также ей вменяются насильственные действия в отношении бойца ОМОН Сутормина, в которого якобы она бросила кусок асфальта и попала в бронежилет. Но тут стороне обвинения надо определиться, насильственные действия в отношении кого, либо чего: Сутормина либо его бронежилета. Сутормин пояснил, что никакой физической боли он не испытал, соответственно ни о каком физическом либо моральном вреде не может быть и речи. Эти действия не образуют состава преступления ни по 212 статье, ни по 318. Вот и все, что вменяется Наумовой. Кроме того, Наумова и Луцкевич ранее привлекались к административной ответственности, о чём уже говорила сторона защиты, что препятствует повторному привлечению к уголовной ответственности. По сути, сторона обвинения пытается наказать дважды за одно и то же деяние.

Хотел бы сказать ещё о том, что данное уголовное дело незаконно выделено из другого уголовного дела. Эта позиция ранее уже озвучивалась, соответственно его рассмотрение в суде является незаконным. И если будет вынесен обвинительный приговор, он также будет незаконным. Формулировки обвинения, предъявленные подсудимым расплывчаты и неконкретны. Также неясно, какие именно действия вменяются в вину каждому из подсудимых, и какие действия следует относить к обвинениям по 212 статье, а какие — по 318. Ни о какой совокупности преступлений здесь также не может идти речь, о чем я говорил ранее: лицо не может охватить одно и то же действие двумя разными умыслами. Кроме того, в противовес позиции обвинения, хочется заметить, что для применения статьи 318 действия сотрудников полиции должны быть законными, чего не было 6 мая 2012 года на Болотной площади. Все участники судебного заседания видели на просмотренных фрагментах, как необоснованно жестоко действовали сотрудники полиции, просто врываясь в толпу демонстрантов — мирно настроенных граждан —

избивали их резиновыми палками, пинали, били руками по лицу, наносили другие удары, притом это проявление жестокости было ничем не обосновано. Видели, как сотрудники полиции произвольно производили задержания граждан. Соответственно, гражданам в той ситуации, в которой они оказались, ничего не оставалось, как защищать свою жизнь, здоровье, а также жизнь и здоровье других граждан, оказавшихся поблизости.

Что хотелось бы сказать по тому наказанию, которое запросила Прокуратура. Само по себе оно является явно не адекватным тем последствиям, которые вменяются подсудимым. 5,5 лет лишения свободы Денису Луцкевичу за те якобы причинённые неприятные ощущения сотруднику ОМОН Троерину и 6 лет лишения свободы Александре Наумовой за то, что якобы она причинила физическую боль и синяк на плече потерпевшего Зелянина. А Сутормину, как потерпевшему, вообще никаких повреждений — и, соответственно, морального и физического вреда — не было причинено. Запрос гособвинением таких жестоких мер и санкций, по моему мнению, это просто бессмысленно и жестоко и никаким смыслом не обладает. Одной из целей осуществления правосудия, несомненно, является восстановление законности, справедливости и создания у граждан, том числе, ощущения защищённости и уверенности в будущем. В случае если принимаемые судами решения перестают быть справедливыми, теряется сам смысл правосудия — того, для чего оно существует. Такие решения судов не могут быть равно полезны ни для граждан, ни для государства, ни для общества в целом. Вполне многие участники судебного заседания, как и общество в целом, понимают несправедливость данного процесса. Но несмотря на все недостатки, существующие сегодня в судебной системе, я прошу суд вынести справедливый приговор по данному делу, чтобы он был законным, обоснованным и в первую очередь — справедливым.

Прошу суд оправдать обвиняемых по данному уголовному делу. Спасибо.

Борко:

Дмитрий Борко, защитник обвиняемой Александры Духаниной.

Уважаемый суд, уважаемые участники процесса, я не юрист, я лишь 25 лет работаю профессиональным фото- и видеорепортёром, редактором мультимедиа, режиссёром. Поэтому я буду говорить о том, что мне ближе, тем более что именно видеосъёмки стали в этом процессе главным доказательством. Я сожалею, что не могу пользоваться современными видео средствами, чтобы наглядно продемонстрировать свои рассуждения, но раз правила судебного процесса столь архаичны, то придётся пользоваться исключительно устным повествованием. Это дело очень показательно не только с точки зрения общественного значения. Вероятно, впервые в материалах дела находится такое количество визуальной информации.

В качестве итога проделанной следствием огромной работы по сбору видеозаписей, мы могли рассчитывать на создание подробнейшей, хронометрически точной картины событий, где отражены последовательность действий всех сторон и участников, а главное — логика и взаимосвязь отдельных эпизодов и поступков. Только таким образом, опираясь на видеозаписи, суд мог бы восстановить объективную картину произошедшего, мотивы и обстоятельства действий всех фигурантов этого дела.

Что же почерпнуло следствие из собранного видео? Совершенно очевидно, что все видеозаписи представлены не на их исходных носителях. В этом случае мы имели бы дело со специальными картами памяти, которые используются в фото- и видеокамерах или

видеокассетами. Но ничего, никаких подобных носителей ни в каких протоколах дела не фигурирует.

В процессе изъятия материалов следствие никак не отразило: проводилась ли сверка на исходных носителях идентичности полученного материала с исходным. Напротив, материалы, изъятые у Гид Москва 24 (?), к примеру, на диске DVD R ZE302-64 DVD 347 и т.д., в итоге приложенные к делу на диске (*название указывается*) представляют собой пять видеофайлов формата DVD видео VOG, четыре из них имеют одинаковый размер и длительность – 14 минут 24 секунды. Такие видео никак не могут быть прямым результатом видеосъёмки. Этот формат используется в финальной обработке видео с целью комфортного просмотра их на компьютерах и телевизорах. Значит, это уже сделанная кем-то компиляция, что подтверждается видеорядом, который представляет из себя набор отдельных, не связанных между собой эпизодов. То же самое можно сказать о большинстве просмотренных нами файлов и дисков.

Я отмечал на одном из заседаний, что, к примеру, файл vts01-1 содержит в себе минимум 64 монтажных стыка, а освещение на соседних фрагментах свидетельствует о разном времени суток. В целом лишь один видеофайл представляет собой цельную и последовательную запись событий. Это запись трансляции «Минаев-лайф», поскольку является непрерывной записью трансляции.

Не подвергая сомнению отношение всех прочих фрагментов к событиям 6 мая, во всех прочих случаях, казалось бы логичным установить связь между разрозненными фрагментами, их последовательность, хронологию, определить идентичные эпизоды, снятые с различных ракурсов, и т. д. Но ничем этим следствие не озаботилось. Вместо серьёзного анализа и бережного отношения к имеющимся материалам, следствие начинает их перезаписывать многократно, изменяя и так сумбурно записанные файлы. При этом, видимо с гордостью отмечая в протоколах: «без привлечения специалистов».

Чем сложнее манипуляции с такой непростой технологией, как современная видеозапись, тем важнее именно квалификация и профессиональная подготовка. Результат недостатка этой квалификации мы наблюдали в суде. Некоторые просмотренные в заседании с 17 июля по 13 августа видеозаписи просто не запускались или периодически зависали на предоставленном судом компьютере. Файл vts01-5 с диска DVD-R (*указано название*) вообще не открылся, так же как и весь диск DVD-R palp (*называет много цифр*) целиком. И дело здесь вовсе не в случайно повреждённом диске. Показательно, что самые большие проблемы возникли при просмотре маленьких фрагментов с дисков, где собраны эпизоды по каждому из подсудимых. В суде они демонстрировались 8 и 13 августа. С этими файлами производилось наибольшее количество действий. При попытке воспроизведения в суде они либо не проигрывались вовсе, либо воспроизводились скачками, с задержками, с зависаниями, в замедленном или ускоренном темпе, что практически сделало невозможным адекватную оценку содержащейся в них информации. Секрет этих дефектов прост. Эти действия были произведены настолько неграмотно, что, к примеру, файл rkdqm0r8dim (отрезок с 01:09 по 01:20, где собраны эпизоды Барабанова) перезаписан по отношению к исходному материалу (большому файлу) с битрейтом, более чем в 15 раз превышающем исходный, то есть 53300 кбит/сек. То есть преобразованный файл записан совершенно в ином формате, чем исходный. Такое искусственное повышение качества ничего не прибавляет к изображению: что было, то и останется — но лишь затрудняет воспроизведение видео. Среднего уровня ноутбук вообще не должен справляться с таким сумасшедшего уровня потоком и нормально его воспроизводить.

То же можно сказать и о большинстве видеозаписей. Не буду вдаваться в технические подробности, но отмечу, например: следователи зачем-то используют при пересохранении исходного вида абсолютно экзотический формат RMVB, который в мировой практике не поддерживается большинством программ проигрывателей компьютерных. И почему этот формат неоднократно выбирает следователь для записи — совершенно неясно.

Такое расхождение технических параметров исходного и полученного в результате трансформаций видео приводит к тому, что теряется не только качество и возможности нормального воспроизведения — могут пропадать целые отдельные кадры, столь важные для аналитической оценки действий подсудимых и их окружения. Особенно, учитывая, что эти фрагменты в большинстве имеют длительность 3—7 секунд и отражают почти неуловимые для глаза скоротечные действия. Таких примеров множество. Но технические огрехи лишь часть проблемы.

Работая с визуальными материалами, следствие позволило себе, а обвинение признало это допустимым, странные манипуляции с их процессуальным статусом. Вещественными доказательствами в протоколах признаются финальные, полученные в результате этих безграмотных трансформаций, CD-диски. То есть вещдоками становятся плоские круглые маленькие предметы, изготовленные, скорее всего, в Китае, и приобретённые неизвестно когда, кем и у кого, а к событиям 6 мая 2012 года на Болотной площади не имеющие абсолютно никакого отношения. В то же время сама информация, сами видео- и фотоматериалы, изначально полученные следствием, и ценнейшие для рассмотрения этого дела, присутствуют в деле лишь в виде протоколов осмотра предметов. Получается парадокс: сама по себе важнейшая информация, содержащаяся на записях, не имеет никакого процессуального статуса. А имеют статус не имеющие никакой доказательной ценности диски, а также слова человека, пересказавшего увиденное когда-то исходное видео.

При этом сам этот человек — следователь Гуркин — как отметил в своём отклонённом судом 18 августа ходатайстве адвокат Клювгант, в данном случае выступает сразу в трёх качествах: следователь (при этом грубо нарушающий УПК РФ) лицо, опознающее других лиц по видео, и лицо, дающее показания. Причём дающее показания самому себе, поскольку пересказывает в свободной и оценочной форме то, что ему привиделось на видеозаписи. Это как минимум требует, на мой взгляд, исключения из протоколов показаний отсмотра видеоматериалов. Более того, все протоколы отсмотра видео в томах дела 27—29, основаны на отсмотре тех разнообразных носителей, которые были получены следствием в процессе изъятия флэш-накопителей, внешних жёстких дисков различных телекомпаний, CD-дисков и т. д. Но в деле они отсутствуют. А приложен к делу набор одинаковых DVD + R дисков, на которые следствием были перезаписаны все видео материалы, подвергшиеся уже описанным мной неграмотным действиям. Что касается места нахождения самих отсмотренных носителей, по которым составлены протоколы, то о них лишь сказано, что они упакованы в отдельные бумажные конверты, снабжённые биркой с пояснительной надписью: том дела 27, лист 81, том дела 28, лист 145, 152, 163 и т. д. Так что же мы смотрели в суде? То, что видел и описывал следователь Гуркин, или результат его малограмотных действий? Если последнее, то не резонней ли доверять собственным глазам и увиденному на суде, а не его описаниям того, что мы не видели?

Однако, чтобы все же оценить степень доказательности материалов по моей в частности подзащитной, приведу некоторые цитаты из протокола отсмотра видео «Минаев-лайф» с диска DVD+R (*не могу воспроизвести название*), просмотренного в суде 23 июля

2013 года, которое, как я уже отметил, единственное является достаточно последовательным источником, дающим представление об общем ходе событий. Заодно посмотрим, как использует эти протоколы обвинение.

В обвинительном заключении приведена цитата из протокола: «На фрагменте видеозаписи 2:56:30 до 2:59:30 запечатлена группа граждан, прорывающих оцепление сотрудников полиции. Среди указанной группы людей находится Барабанов А. М.» В самом протоколе в том же месте, в этом же томе, читаем: «На фрагменте видеозаписи 2:56:30 до 2:59:30 запечатлена группа граждан, прорывающих оцепление сотрудников полиции, в частности, среди группы людей находится человек в футболке чёрного цвета с белым рисунком на груди, худощавого телосложения, с длинными волосами». (том 27, лист дела 14). Во-первых, никакого Барабанова (и вообще похожего человека) я на указанном промежутке видеозаписи просто не наблюдаю. Да Барабанов и не мог там находиться в соответствии с показаниями нескольких свидетелей и самого Барабанова, которые ни следствие, ни обвинение при этом даже не опровергают. Потому что этот момент имел место вообще значительно раньше вменяемого ему эпизода. Но обвинение почему-то не просто переписывает эту явную ошибку следователя (ну бывает, человек спутал), но и уточняет, производя собственное незаконное опознание: некий человек в чёрной майке из протокола — именно Барабанов. Зачем? А на всякий случай, для пущей убедительности.

Далее в протоколе: «Толпа собирается вдоль линии оцепления, начинаются попытки прорыва сквозь оцепление на проезжую часть» (том 27, лист дела 24). Налицо явное нагнетание обвинительного тона и пренебрежение фактами. Подошедшие колонны демонстрантов и так стоят на проезжей части Малого Каменного моста, это естественная часть их согласованного маршрута. Куда же ещё на проезжую часть им прорываться?

Цитата: «На 3:19:41 из указанной группы выбегает Духанина А. И. и бросает неустановленный предмет в сторону сотрудников полиции, после чего убегает в толпу. Одновременно с этим на асфальт в толпе падает горящее пиротехническое изделие». Девушку, на неизвестных нам основания названную Духаниной (ни опознания по видео, ни какой-либо экспертизы не проведено), махнувшую рукой в сторону полиции — следователь отмечает. А то, что горящий факел летит в неё со стороны полицейской шеренги, что представляет грубейшее нарушение Закона «О полиции», — умалчивает.

Цитата: «3:19 до 3:24 группа граждан переместили металлические заграждения к оцеплению и предприняли попытку с помощью них оттеснить полицейское оцепление. Одновременно из толпы в сотрудников полиции летят камни и куски асфальта». Здесь налицо сразу несколько искажений. Первое, тезис о выдавливании демонстрантами полиции при помощи загородок не раз фигурирует в обвинении, перекочевав туда из протоколов осмотра. Этот эпизод фигурирует в обвинении Луцкевичу, Полиховичу. Однако ни на одной записи мы не увидели ни единого контакта указанных загородок с телом сотрудников. Где же тут выдавливание? Их просто поднесли и поставили между собой и полицией в том месте. Где полиция по необъяснимым причинам жестоко врезалась в стоящих людей. Я не знаю, как вообще можно возражать на это лживое обвинение, если глаза следователей и обвинителей способны видеть то, чего на записях просто не существует. Это уже вопрос либо психической вменяемости, либо откровенной фальсификации доказательств. Второе: отдалённая верхняя точка съёмки, значительное расстояние, мелкие планы, низкое качество записи физически не позволяют рассмотреть, что куда летит. Ведь не рассмотрел же следователь, что конкретно бросила девушка в предыдущем эпизоде. Неустановленный предмет. Откуда же ему

известно, что здесь летят именно камни? Это вновь лишь голословное предположение или откровенная ложь.

В таком же стиле составлены все протоколы осмотра видео. Но поскольку обвинение сочло возможным опираться на столь субъективную трактовку, я себя считаю вправе по своему описать увиденное на видеозаписи «Минаев-лайф».

Прежде всего, по ней можно отследить реальное время, хотя на самой записи тайм-код отсутствует, но в 0:26:55 по тайм-коду записи видны часы в студии, показывающие 15:26:55. То есть время по видеозаписи круглое, 0:00:00, соответствует 15 часам по московскому времени, что и соответствует началу прямой трансляции «Минаева». Выступая в прениях, обвинение утверждало, что на тайм-коде в 2 часа 21 минута запись свидетельствует о возможности свободного поворота демонстрантов на набережную в сторону сцены. Это манипуляция. В этот момент камера показывает лишь фрагмент набережной гораздо дальше поворота. Толпа там действительно стоит реже и люди небольшой струйкой идут в сторону сцены. Некоторые свидетели утверждали, что они смогли туда пройти. Некоторые пришли раньше основной колонны или шли в самых правых её рядах. Почему же так мало людей идёт на указанном кадре? А вот почему. Потому что реальная картинка спуска с Малого Каменного моста показана чуть раньше, в 2:17:30. На этом картинке отчётливо видно, что вся ширина спуска с моста возле Ударника заполнена плотной массой людей, упёршейся в оцепление полицейское, пересекающее улицу Серафимовича. И находящиеся в гуще толпы ну никак не могут видеть ни прохода, ни возможности повернуть, и вообще ничего! Эта ситуация и положила начало той давке, о которой говорили многие свидетели защиты и даже обвинения, такие, как свидетель Ванюхин в суде 6 октября. Цитата: «Давка образовалась потому, что давили задние на передних. Это было после сидячей забастовки. Я вообще не знаю, хотели ли граждане куда-то прорываться».

Дальше мы видим следующее, я привожу уже перечисление реальных событий.

- 17:56:59 то, что обвинение называет прорывом – разрыв цепочки и смыкание цепи через 1-2 минуты.
- 18:02 цепь полиции начинает давить на стоящую толпу.
- 18:02:30 корреспондент «Минаева» ведёт аудио-репортаж из гущи толпы: «Была давка, 5-7 человек упали, но их быстро подняли с земли, чтобы по ним не шли. Сейчас ОМОН организуется по 5-7 человек, работают в толпе, по одному выхватывают. Как они выбирают — не знаю, по какому принципу. В принципе, я тоже могу попасть в число задержанных, подходят просто и выхватывают кого-то».
- 18:03:30 часть полицейской шеренги ближе к скверу вдавливается вглубь толпы, цепь выгибается дугой вперёд, продолжая давление на людей.
- 18:07 первое массовое вклинивание полицейских групп задержания в толпу.
- 18:16 первое глубокое рассечение толпы группой полицейских, наносящих хаотичные удары дубинками и кулаками вправо и влево по очень плотно стоящим демонстрантам.
- 18:17:25 первый прорыв группы ОМОН к каналу, большое количество людей прижаты к парапету над водой.
- 18:18:26 люди бросают в ОМОН бумажки и пластиковые пакеты. Первое появление девушки в чёрном, обозначенной в протоколах как Духанина. Она делает махательные движения в сторону полиции. Этот же факт отражён в протоколе осмотра видео, 27, лист дела 25,

только несколько иными словами. Перед этим рядом с ней бросает большую пластиковую бутылку (это определить вполне можно, поскольку она крупная) пожилая женщина.

- 18:18:46 полиция отступает от прорыва назад к цепи.
- 18:18:50 Корреспондент «Минаева» передаёт из толпы: «Только что сделали новую шеренгу из ОМОНовцев, позади неё бегает офицеры и постоянно говорят: «Группы задержания продолжают работу». За последние пять минут десятка два задержанных. Хватает явных радикалов, судя по одежде, но и других. Вот, задержали двух девушек, и часто непонятно, по какому принципу. Здесь на углу образовалась точка напряжённости, сейчас очередная цепь выдавливает нас опять в сторону. Вот меня задерживают... а, нет, пока просто выдавили».
- 18:19 Видны металлические загородки, составленные под деревом у парапета канала.
- 18:19:14 В глубине толпы у Водоотводного канала по образовавшемуся от полицейского прорыва коридору демонстранты эти загородки выносят вперёд.
- 18:19:39 Девушка в чёрном бежит вдоль загорода и делает махательные движения, этот же факт отражён в протоколе осмотра, том 27, лист 5. Одновременно рядом с ней падает файер, брошенный со стороны полиции.
- 18:20:50 Загородки установили между толпой и полицией, на месте первого вклинивания в толпу. Контакта ограждения с полицейской цепью нет, расстояние между ограждениями и шеренгой полиции 1-7 метров.
- 18:22:07 Полиция подходит к заграждениям и начинает давить на них, позади ограждений – плотная толпа, которой отступить некуда.
- 18:22:43 Из мест соприкосновения полиции и демонстрантов поднимаются клубы белого летучего вещества неизвестной природы. Через 15 секунд полиция (и это отчётливо видно) распыляет сквозь ограждения в сторону демонстрантов белое густое летучее вещество, выглядящее аналогично предыдущим кадрам.
- 18:23:20 Полицейские через загородки наносят дубинками удары, не менее 20, по демонстрантам сверху вниз. Один человек из числа демонстрантов наносит несколько ударов в сторону полиции гибким пластиковым флагштоком-удочкой. В сторону полиции летят несколько пустых пластиковых бутылок и обрывки плакатов.
- 18:24 Полицейские наносят несколько ударов сверху вниз в область головы стоящему у ограждения Кривову. Через 30 секунд полиция прорвала загородки и врывается в толпу, люди разбегаются.
- 18:25:10 ОМОН гонит людей до парапета набережной, прижимая к воде и работая дубинками. Образуется широкое круглое свободное пространство, окружённое плотной толпой, в котором работает ОМОН и бегут люди.
- 18:26:25 Появляется девушка в чёрном с куском материи в руках и уходит обратно. Через 10 сек. девушка выходит из толпы и подходит к ОМОНу, в этот момент камера отворачивается.
- 18:27:31 Девушка в чёрном переминается в толпе.
- 18:27:47 Девушка в чёрном топчется во второй линии, сзади оператор с камерой ей что-то говорит, её трогает за плечо крупный мужчина в серой тенниске и чёрной бейсболке, и тут же к ней тянется рука ОМОНовца. В этот момент девушку в чёрном задерживают. Повторяю, это видно на видео записи «Минаев-лайф» невооружённым глазом, но почему-то не нашло отражения в протоколах, составленных следователем Гуркиным.

Хочу отметить, что общее время пребывания девушки в чёрном (если согласиться, что это была Духанина, это становится существенным для нашего дела) во время активных действий полиции и демонстрантов до её задержания — 9 минут. На этом обстоятельстве я останавлиюсь чуть позднее.

- 18:31 По Лужкову мосту тонкой струйкой уходят люди.
- 18:32 Поворот с набережной на Малый Каменный мост почти перекрыт полицией, оставлен лишь узкий проход у парапета в 1-2 человека шириной.
- 18:32:55 Поворот с набережной на Малый Каменный мост перекрыт полностью, стоящие на набережной отрезаны от моста и взяты в кольцо. Стоящих на мосту медленно выдавливают на Полянку. На набережной люди стоят плотно и близко к цепи окружения, в массе своей абсолютно спокойно.
- 18:35:35 Группа захвата 20-25 человек, положив руки на плечи друг другу подходят снаружи к оцеплению со стороны Малого Каменного моста и входят внутрь оцепленной территории. Продолжения эпизода не видно, так как камера переключается на студийный интерьер.
- 18:37 Открыт очень узкий проход на Малый Каменный мост. Туда почти не выходят, но трудно понять причину, так как набережную с основной массой людей почти не показывают. Камера по-прежнему отвлечена от основных событий.
- 18:40 Люди потихоньку покидают набережную через узкий коридор на Малом Каменном мосту.
- 18:45 Камера наконец поворачивается к набережной.
- 18:45:30 Группа полиции вклинивается в толпу перпендикулярно набережной. Люди бросаются врассыпную. Камера снова отворачивается.
- 18:49:30 В толпе на набережной ближе к Малому Каменному длинная растяжка-плакат, люди стоят спокойно.
- 18:52:12 Группа полиции 10-15 человек кого-то повалила на землю, окружив. Со стороны Лужкова моста к группе несколько раз выбегают 3-4 парней и нечто бросают. ОМОНцы по 3-5 человек бросаются за ними, но бросавшие убегают в толпу, толпа отшатывается. Полиция задерживает вместо них первых попавшихся.
- 18:53 Группа ОМОНа врывается в толпу по направлению к парапету канала, оказывается в плотном окружении людей. Там происходят какие-то столкновения и пихания.
- 18:53:52 Виден уходящий в сторону Ударника потерпевший Филиппов без шлема, держащийся за голову. Это тоже не отражено в протоколе.
- 18:54:06 Белоусов, появившийся в кадре за 2 секунды до этого, наклоняется и поднимает что-то с земли. Отмечаю, что это происходит через 12 секунд после того, как потерпевший Филиппов покинул место действия.
- 18:56:19 Группа захвата выдёргивает людей из толпы.
- 18:57:55 Демонстранты отодвинулись в сторону Лужкова моста и встали поперёк набережной в цепь.
- 19:25 Видны палатка и тент в глубине набережной.
- С 18:57 по 19:32 положение демонстрантов и полиции практически не меняется, столкновений никаких не происходит.

- 19:32 Полиция большими силами подошла к толпе вплотную, начав давление. Предпринимаются неудачные попытки вклиниваться в плотно стоящую толпу.
- 19:33:43 Полицейские наносят удары по лицу и голове свидетелю Виктору Захарову, выступавшему здесь, в тёмных очках и джинсовой куртке в центре кадра.
- 19:35 Четверо полицейских выносят из толпы человека в серой кофте и джинсах. На других видеозаписях, таких как VTS 01-2 с диска, *(номер указан)*, на 7:37 мы видим его лежащим без сознания на асфальте.
- 19:36 Проход в сторону Малого Каменного моста полностью перекрыт цепью ОМОНа.
- 19:37:05 Большая группа сотрудников ОМОНа врывается в толпу у парапета канала, выдёргивая и уводя задержанных. Такие вклинивания повторяются регулярно.
- 19:37:45 Ведущий «Минаева» произносит: «Они как колбасу режут, но я что-то не вижу, чтобы задерживали тех зачинщиков, которые кидали камни. Главное, чтобы они в реку не повалились, люди-то».
- 19:39:15 Вклинивание большой группы полиции, около 40 человек, в толпу около парапета канала.
- 19:40:40 Группа полиции около 30 человек атакует людей возле самой воды.
- 19:44 Набережная перерезана полицейской цепью перпендикулярно воде. Выхода на улицу Полянка нет. Полицейские пытаются вклиниться в толпу.
- 19:46:15 Виден очень узкий проход в сторону улицы Полянка возле самого парапета. По нему проходят отдельные люди.
- 19:48:00 На набережной остаётся совсем немного людей, они стоят, ничего не предпринимая. Проход к Замоскворецкому мосту, в противоположную сторону от Малого Каменного полностью перекрыт цепью ОМОНа.
- 19:53:17 Большая группа ОМОН, положив руки на плечи друг другу, выходит из сквера Болотного посреди толпы и рассекает демонстрантов пополам. Правая часть людей вытесняется в сторону Малого Каменного моста, а левая оказывается заблокирована между двумя полицейскими цепями.
- 19:55:50 ОМОН вклинивается в оставшихся на набережной заблокированных демонстрантов, работая кулаками и дубинками, пытаясь отсечь ещё некоторую часть людей. Полицейские сдавливают и так плотно стоящую толпу, в давке происходят локальные стычки в виде пихания друг друга.
- 19:56:15 ОМОН работает дубинками.
- 19:56:42 Полицейские выдёргивают из толпы парня. Полицейские выдёргивают из толпы молодого человека с длинными волосами, в чёрной майке — Барабанова — и задерживают его.
- 19:58 Остаётся узкая полоска демонстрантов, сцепившихся руками. Они сперва заблокированы с обеих сторон, потом их начинают выдавливать в сторону Малого Каменного моста.
- 20:00 Оставшихся и хаотично расположенных на пяталке людей задерживают и бьют дубинками, несколько митингующих выдвигают три опрокинутых туалетных кабинки.
- 20:03 Последние демонстранты покидают набережную.

На основании этой пятичасовой записи можно сделать один уверенный вывод: демонстранты, находясь на набережной, ни разу не предпринимают активных действий против полиции, не пытаются никуда прорваться, ни на кого нападать. Полиция периодически атакует стоящих людей, сдавливая их, прижимая к воде или естественным

преградам, применяя дубинки и грубую физическую силу. Это иногда вызывает панику, иногда вполне естественную эмоциональную реакцию негодования, сопротивления сдавливанию, прижиманию к берегу канала, попытки освободиться в опасной для жизни ситуации.

Обвинение утверждало, что «более двух часов на этой записи мы видим активные противоправные действия митингующих». Я утверждаю, что более двух часов мы видим классические действия по зачистке территории полицией. Только территория эта запружена десятками тысяч людей, не понимающих, что происходит, и уверенных, что пришли на законный митинг. Операция проводится столь жестоко, неуклюже и непоследовательно, что это регулярно создаёт опасность для жизни и здоровья пришедших на мирный митинг граждан.

Из всего изучения визуальных доказательств обвинения можно сделать лишь один вывод: следствие, совершив большую работу по сбору визуальной информации, совершенно неграмотно, безответственно и с нарушениями УПК подошло к обработке и осмыслению важнейших материалов дела. А обвинение, в свою очередь, использует полученные неубедительные данные с заведомо обвинительным уклоном. Поэтому я прошу не доверять вышеуказанному протоколу из тома 27, листы дела 1-82.

Столь же невнятно использует обвинение видеоматериалы и в отношении моей подзащитной Александры Наумовой-Духаниной. На диске CD-RW HLG625 pk30224707b6, просмотренном в суде 7 августа 2013 года, собраны эпизоды, имеющие якобы отношение к моей подзащитной. На диске 15 фрагментов. Прежде всего, как они появились? В соответствии с протоколом отсмотра (от 17 ноября 2012 года, том 28, листы 182-192), за два часа (по протоколу с 11:40 до 13:40) были осмотрены 10 источников видео суммарной длительностью около шести с половиной часов. Из них вырезано 15 фрагментов, и записано на отдельные диски. Так же сделано 43 скриншота (стоп-кадра) для фототаблицы. На них при помощи не указанной в протоколе программы (скорей всего Photoshop) сделаны пометки в виде рамок на фигурах отдельных людей. Кроме того, при помощи неизвестной программы сделаны макеты для страниц для их последующей распечатки, на которых определённым образом расположены данные изображения, между ними нарисованы указывающие стрелки, поясняющие записи. После этого страница распечатана на принтере. Кроме того, составлено подробное описание вырезанных фрагментов, написан и распечатан протокол на 11 страницах. Я, опытный профессионал, даже техническую часть работы без отсмотра 6,5 часов видео, за два часа сделать бы просто не успел. Под протоколом стоят подписи двух понятых, имена которых — Медведев Дмитрий Витальевич из города Люберцы и Мальцев Антон Олегович, уже не раз упомянутые в наших заседаниях, со всеми явными ошибками в написании присутствуют также в 10 других протоколах отсмотра от 15, 17 и 18 ноября 2012 года, находящихся в томах 28-29.

Хочу попутно заметить, что подобная картина наблюдается и с остальными протоколами. Так, протокол отсмотра из тома 28, лист дела 158-164 от 17 ноября с теми же понятыми. Следователь за 1 час 10 минут отсмотрел видеозаписи на 1 час 10 минут, сделал 11 скриншотов, записал пять вырезанных при этом фрагментов видеозаписи, сделал пометки, макеты страниц, написал протокол на 7 страницах.

Я уверен, что данные протоколы не отражают реального времени, данных, обстоятельств и методов проведения следователем данных следственных действий. Есть

серьёзные основания сомневаться в присутствии на них понятых. Потому я прошу критически отнестись ко всем протоколам отсмотра видео из 28 и 29 томов дела.

Вернёмся к моей подзащитной. Обвинение утверждает, что Наумова не менее 8 раз бросала в полицию куски асфальта. В ходе суда потерпевший Сутормин утверждал, что Наумова-Духанина бросила дважды, один раз попав ему в бронежилет, и один раз облила его квасом. Потерпевший Зелянин — что несколько раз, точнее сказать не может и лишь предполагает, что именно она попала в него самого. К тому же он не считает себя потерпевшим ни от кого из подсудимых (показания в суде 1 октября). Свидетель Наумов сообщил суду, что Духанина кидала в кого-то чем-то, предположительно асфальтом, сколько раз — не помнит. И, наконец, свидетель Березин (?). что Наумова-Духанина кинула один раз — неизвестно, попав ли в кого. Просуммировать неизвестные величины не представляется возможным. Свидетели и потерпевшие вполне могли наблюдать и описывать одно и то же действие Наумовой-Духаниной, но ни следствие, ни обвинение не приложило ни малейших усилий к установлению точного времени, мест и обстоятельств этих всех эпизодов, не провело никаких криминалистических исследований действий Наумовой, что, кстати, касается и эпизодов всех остальных подсудимых.

Из материалов обвинения неясно, к какому конкретно эпизоду относятся конкретные фрагменты с указанного диска. Неизвестно, есть ли на нём эпизод с Зеляниным, Суторминым и т. д. Но если идентифицировать эти пятнадцать вырезанных фрагментов, получается интересная картина. Я здесь говорю лишь о самых очевидных вещах, воспринимаемых невооружённым взглядом, не требующих какой-либо специальной экспертизы. Файлы 1-29 flx7kko, отрезок 5:16:05 (5:26:05?) и vts04, отрезок 07:37-07:47 полностью идентичны, это один и тот же файл. Файл 0073, отрезок 00:00-01:28 представляет собой чуть расширенную по времени копию файла, [НРЗБ] tv «Милая девушка кидает камни в полицию».

Сюжет файла video9 с 00:00-00:20 идентичен финалу сюжет файла 0073, отрезок с 00:00 по 01:28. Сюжет файла 34600442 с 04:57:15 идентичен сюжету на файлах 00073, отрезок с 00:00-01:28, а также с [НРЗБ] tv «Милая девушка кидает камни в полицию».

Идентичны так же сюжеты файлов 346004401 с 21:36 по 21:45 «Болотная матрекс»[?], отрезок с 09:47 по 09:51. Идентичны сюжеты файлов 346004401 с 23:07 по 23:14 и «Минаев-лайф» HD отрезок с 03:19:08 по 03:19:45. На файлах же 346004402 (с 00:25 по 00:27), 346004402 (отрезок с 02:46 по 02:54) и 346004401 (с 20:56 по 20:59) длительностью, соответственно, 3, 4 и 8 секунд мы видим плотную густую толпу, в которой вообще не наблюдается человека, сходного с Наумовой-Духаниной, либо мелькает вдали нерезкий силуэт головы, чем-то отдалённо её напоминающий. Но определить её действия в этих фрагментах просто невозможно. Так сколько же и каких её действий подтверждает эта нарезка следователя Гуркина? Что конкретно должны доказывать данные видеофрагменты? Где доказательства восьми бросков кусков асфальта? Их просто нет.

Если согласиться со следствием, (что) девушка в чёрном на видеозаписи действительно Александра Наумова, то каким образом все её описанные в обвинительном заключении действия укладываются в те девять минут, которые я отметил при оценке видео «Минаева»? с какой скоростью она должна была, находясь в плотной толпе, добывать где-то эти куски асфальта и бутылки, занимать выгодную позицию, целиться, бросать? Это ведь человек, а не пулемётный расчёт. Обвинение никак не проясняет этих обстоятельств.

Кроме того, возникает вопрос, какое отношение к ней имеет весь огромный материальный ущерб, вменённый обвинением в частности ей? Какой вообще ущерб могла

нанести за 9 минут 18-летняя девушка асфальтовому покрытию огромной площади? Какое отношение к ней имеют повреждённые туалеты, если она была задержана более, чем за полтора часа до того, как первый из них был опрокинут?

Это одна сторона. Это о фактах, которые мы видим или не видим. Но есть другая сторона – человеческая. Ваша честь, вы видели, что получилось из попытки Александры дать показания, собственные показания в суде. Я думаю, что многие из тех, кто общались с людьми, выросшими в детдоме, знают, что они отличаются двумя качествами. Во-первых, они стремятся всегда за себя постоять, ни на кого не рассчитывая. А во-вторых, испытывают очень большие затруднения при описании собственных чувств. Можно выступление Александры, всю эту скороговорку по бумажке, воспринимать, как пренебрежение к суду, а можно — как неумение публично говорить о своих чувствах, смущение. Александра росла, конечно, не в детдоме. Но представим себе девушку, которая начала свою жизнь в материнском доме в тихой, уютной и далёкой стране, а затем приезжает в Москву учиться на родном языке. С начала школы Саша живёт либо с родственниками дальними, либо с опекунами. У неё есть родители, конечно, но со школьных лет она оказывается одна. К сожалению, эта девочка оказалась неспособна рассказать нам о тех чувствах, о которых она сумела почему-то поведать мне, видимо, я чем-то вызвал её доверие. Но это не является ни коим образом доказательством, и я могу только пересказать, что она мне говорила. Если бы она могла описать свои чувства, испытанные ею в густой давке, в страшной толпе, чувство одиночества и потерянности, потому что с ней рядом не было никого не только по жизни, но и там. Если бы она могла описать чувство ужаса, когда её притиснуло толпой к каменному парапету набережной, чуть не сломав позвоночник и чуть не выкинув в воду. Если бы она могла описать, как описывала мне, тот шок, который она испытала, не понимая. Тот шок, который она испытала, когда неожиданно эта толпа расступилась, и на неё вылетели экипированные с ног до головы ОМОНовцы, сокрушая находящихся рядом людей и хватая тех, кто стоял рядом с Александрой. Тот шок, тот страх и, наверное, почти детское негодование от несправедливости, которая происходит в этот момент, в том числе, по отношению к ней самой, затерявшейся там. Увы, это она рассказала только мне.

Знаете, в психологии есть понятие «зараженность действиями», это характерно для подростков и молодёжи, которые часто, оказавшись в незнакомой ситуации, я отмечу, что для Александры это был первый опыт участия в массовых мероприятиях. Так вот, не имея опыта в незнакомых обстоятельствах, они часто начинают копировать чьи-то действия, чьи-то решения, потому что просто не знают, как поступать. Даже если эти действия оказываются почему-либо неудачными, люди в этот момент приобретают столь ценный жизненный опыт и опыт оперирования в подобной ситуации, что в дальнейшем они уже вполне способны принимать свои решения, оптимальные. Возможно, Александра, мечась там и пытаясь как-то выбраться и защитить себя, что-то подобрала с земли, что-то бросила. Я уже отмечал, что перед её первым маханием кто-то рядом бросал пластиковую бутылку. Но этого мы не знаем, потому что она сама очень плохо помнит ситуацию. Так же, как мы не знаем её мотивов, можем только предполагать.

Я знаю только одно, познакомившись с этой девочкой за время процесса. Человек, который живёт по вегетарианским принципам, вся общественная деятельность которой заключалась в помощи бездомным животным, человек, который за время домашнего заточения, это не факт, но наверное, многие видели, как Александра приходила на суд с учебниками по зоологии и медицине. Тот человек, который использовал время заточения для выбора профессии, она решила стать зооврачом. Да вообще, я знаю точно, что эта девочка не способна на осознанные негуманные действия, на то, чтобы осознанно причинять

вред какому-либо живому существу. Она очень хочет учиться. В свете всего, что я рассказал о технической и юридической стороне обвинения, того, что я, к сожалению, ничем не могу подтвердить, кроме своих слов, я предлагаю, давайте просто позволим ей пойти учиться и стать врачом. Я полагаю, что в обществе количество добра и пользы от этого только увеличится.

Ещё раз хочу повторить. 9 минут пребывания в хаосе и неразберихе, 9 минут страха и попыток как-то выбраться или себя защитить и 6 лет жизни, которые требует для неё обвинение. Справедливое ли это соотношение?

Судья передаёт слово.

Макаров:

Адвокат Макаров. Много было сказано моими коллегами, очень подробно выступил Кривов вчера, изложив подробно свою позицию, видение обстоятельств по данному делу. Мне сложно будет что-то тут добавить к моим коллегам, втиснуть фразы общего характера в те обстоятельства 6 мая 2012 года, которые мы здесь исследуем. Безусловно, эпилог, который у нас тут происходит, посвящённый исследованиям событий 6 мая, начавшимся в июле в Московском городском суде, продолжившимся в Никулинском, заканчивающимся сейчас благополучно в Замоскворецком суде, он, конечно, наглядно свидетельствует о том, что власть в лице СК РФ, гособвинения, судов не готова на сегодняшний день, к глубокому сожалению, развернуться лицом к гражданам: понять, почему они вышли 6 мая 2012 года, с какими целями и конкретными задачами. По существу, власть видит в этом только угрозу местам чиновников всех рангов, которые на сегодняшний день занимают в разных вертикалях этой власти: в Следственных комитетах, в прокуратуре, судах. Все видят, что любые изменения, которые могли бы произойти в результате демократических перемен, которые граждане ждали в связи с выборами в Госдуму, выборами Президента, к сожалению, эти надежды пока не оправдались.

То упрямство, с которым нас сегодня пытаются затолкать против объективных фактов, против прямых указаний как высшего закона (Конституции Российской Федерации), так и других федеральных законов (Уголовно-процессуального закона, Уголовного кодекса Российской Федерации), в прокрустово ложе понимания отдельными лицами правоприменительной практики законов РФ, — приводит к тому, что мы находимся здесь и слушаем это безнадёжное дела. По сути дела, мы понимаем, что с одной стороны находится этот огромный аппарат подавления инакомыслия, на другой стороне — простые граждане, не бунтари, а лица, которые [вышли] 6 мая 2012 года с праздничным, радостным настроением с целью сочетать, возможно, несочетаемое: провести прекрасно выходные и выразить свой протест вместе с другими такими же, как они (хотя и не до конца единомышленниками). Мы видели, что тут люди разных взглядов и убеждений присутствуют, но их объединяло чувство гордости за то, что они имеют собственное мнение, собственную позицию, и что они, не побоявшись мифических репрессий, о которых тогда ещё никто не думал и не знал, вышли с детьми, близкими, жёнами, друзьями на указанное мероприятие. Которое впоследствии, как мы знаем, было совершенно беспардонно и нагло — с применением грубой физической силы в нарушение всех конституционных законов, норм, федеральных законов — разогнано полицейскими силами РФ. Причём, это было сделано накануне инаугурации Президента РФ Путина В.В. О попирании норм закона здесь говорилось.

Вот многие на протяжении долгого времени, особенно со стороны гособвинения всё время задавали вопрос: а что так Макаров прицепился к этим удостоверениям? Чуров

никому иному, как Путину В.В. 8 мая, после дня инаугурации, которая произошла 7 мая, вручил удостоверение Президента РФ, причём вручил его в торжественной обстановке. Если обратиться к открытым источникам, там видно, с каким глубоким уважением получает друг Чурова Путин В.В. это удостоверение, разглядывает его, изучает (как я понимаю): всё ли там правильно написано, соответствует ли данное удостоверение тем обстоятельствам, при которых он его получает. Нет ли там какой вкрапшейся ошибки? А то он покажет кому-то удостоверение, какому-нибудь Алгунову или Моисееву — и тот увидит, что там запятая неправильно стоит и т. д. А нам говорят: «Не имеет значения, что у Алгунова срок действия удостоверения сотрудника милиции истёк 1 апреля 2012 года, это не мешало ему исполнять служебный долг».

Вот Путин так не считает с Чуровым. А вся Генеральная прокуратура и Следственный комитет — считают. Я бы посмотрел, как бы выглядел кто-то из руководителей или сотрудников Прокуратуры, если бы у них не было удостоверения или оно было бы просрочено по каким-либо обстоятельствам. (Допустим, поленились. Подумаешь!, Полгода не получал...) Я думаю, не прошёл бы этот гражданин ни в Генеральную прокуратуру, ни даже в прокуратуру местную, никто бы не пустил. Сказали бы: «У вас, товарищ, удостоверение просрочено, идите получите новое». А так — ни приказ о вашем назначении, ни служебная инструкция должностная, в соответствии с которой вы обязаны [не помогут]. Вот тут нас все время путают обязанность служебную с конкретным исполнением. Алгунов 6 мая 2012 года имел просроченное удостоверение. Если бы он сегодня пришёл на суд с этим просроченным удостоверением, его бы судебные приставы не пустили. Сказали бы: «Ничего не знаем, такой службы нет, по-моему, с 1 января 2012 года. В соответствии с Законом «О полиции» она исчезла». У нас теперь нет милиции, а есть полиция и закон, в соответствии с которым, все служащие должны были получить новое удостоверение до 1 января 2012 года, а если не получили — это говорит об их халатности, расхлябанности и безалаберном отношении к своим обязанностям. Прокуроры, а также сотрудники СК, установив подобные факты, должны были провести соответствующую проверку, чтобы не мы тут обсуждали, а они получили нагоняй и полное или неполное служебное несоответствие.

Однако этого ничего не происходит. До настоящего времени прокуратура и гособвинение стоят на своём: был Алгунов с Моисеевым при исполнении служебных обязанностей, и всё. Опасный путь заключается в том, что нам сейчас пытаются доказать, что когда бы ни был сотрудник полиции сотрудником полиции, он 24 часа при исполнении обязанностей, что по сути является nonsensом и ведёт к заблуждению опасному в том числе для самих сотрудников полиции. Так, 26 числа был приговор сотруднику полиции, который расстрелял обычного пенсионера из травматического оружия. Он что, находился при исполнении служебных обязанностей? Нет. У него были инструкции, он был уполномочен своим удостоверением, был назначен на должность соответствующим приказом, но в то же время, он находился не при исполнении служебных обязанностей.

Очень хотелось бы, чтобы нас не путало гособвинение, что если сотрудник полиции — он всегда при исполнении обязанностей. Это nonsens, это не может быть, потому что это не может быть в принципе. Он когда-то отдыхает, у него есть нерабочее время. Отдыхает в кинотеатре, в баре, мы наблюдали, как сотрудники в Санкт-Петербурге поубивали друг друга, покалечили. Они не находились при исполнении, хотя имели оружие, пусть даже травматическое. Они действовали, как обычные граждане. Почему я это говорю?

Те сотрудники полиции, которые присутствовали на Болотной площади 6 мая 2012 года (не знаю, кто точно из них), говорили о так называемых сверхурочных, о так

называемых переработках, которые они без всяких приказов, инструкций, приняли на себя, в связи с инаугурацией Президента, праздниками майскими. Как показал Моисеев или Алгунов, кто-то из них, кто-то приступил с 4 часов к дежурству, кто-то с 6, и, как мы знаем, к моменту неких активных действий, которые начались после 6 часов 6 мая 2012 года на Болотной площади, прошло более 12 часов. Как мы знаем, все имеют свой график работы, который никто тут не смог представить, и суд не позволил защите истребовать его, сочтя это излишним. Защита это мнение не разделяет. Многие сотрудники переработали более 8 часов. Для любого человека работа более 8 часов на ногах, в амуниции, без питания надлежащего — это глубокий стресс. Как мы знаем из показаний многих сотрудников, утром 6 мая многих из них направляли сначала в район Тверской, Манежной площади, инструктировали по мероприятиям, связанным с подготовкой парада, инаугурации Президента РФ, активно инструктировали о том, что могут быть какие-то массовые беспорядки. Люди находились всё время в напряжении. И вот это напряжение на протяжении многих часов вошло в свой пик также к 18 часам. Между тем мирные демонстранты, которые начали собираться, как Кривов рассказывал, с 15 часов 6 мая 2012 года в районе Калужской площади, выстраиваться в колонны, прошли все необходимые мероприятия по прохождению металлодетекторов, организовали колонны по интересам, партиям, общественным организациям и дружно двинулись, как мы знаем, ввиду инструктажа Сергея Удальцова, которого мы, кстати, видели на том видео, о котором говорили Кривов и Борко, и другие защитники. Махонин предупредил Удальцова, как надо себя вести при движении в сторону Болотной площади, а потом на митинге на Болотной площади.

И вот митингующие двинулись не в район Болотной площади, о котором нам всё время твердит следствие, а именно на Болотную площадь. С песнями, лозунгами мирного характера, (организованно — не какой-то разношёрстной толпой) в сторону проведения согласованного мероприятия. Мой доверитель прошёл немного ранее, что потом не мешало другим участникам, кто шёл в колоннах, подойти к Малому Каменному мосту. Вот когда все пришли на Малый Каменный мост, они стали (не свидетелями, это было бы слишком сильно сказано), скорее, очевидцами того, что сделали власти. А власти, как нам показал в своих показаниях господин Дейниченко, приняли решение цепочку выстроить в районе Малого Каменного моста от угла кинотеатра Ударник до ограждения угла сквера имени Репина. Эти показания не вызвали никакой реакции у стороны обвинения, которое является органом прокуратуры, а прокуратура главный орган за соблюдением законности.

И ещё хочу сказать, что Дейниченко из всех допрошенных лиц, имевших отношение к указанным структурам МВД, был самый осведомлённый человек, который мог рассказать, что происходило, кто где находился и куда подошёл. Многие сотрудники полиции (если не сказать — большинство) не могли назвать ни места, где они находились, многие путались сильно во времени — до двух часов от реального времени, — однако это не смущало гособвинение.

Не выясняло гособвинение и такой момент: разясняли или нет в инструкциях, как должны были действовать сотрудники, где был разрешённый митинг, какая информация доводилась начальниками. Защита, буквально по крупицам, с помощью многочисленных нудных вопросов смогла получить нужную информацию. Так или иначе, она была зафиксирована в выступлениях других защитников.

Сегодня де-факто установлено, что санкционированный правительством Москвы митинг на Болотной площади не состоялся в результате грубого нарушения гражданских прав

участников массового шествия и демонстрации 6 мая 2012 года со стороны полицейских сил Российской Федерации и бездействия московских властей. То, что написано в обвинительном заключении, не выдерживает никакой критики.

Так, в обвинительном заключении об умысле приводится план «об охране безопасности», принятый 05 мая 2012 года и подписанный начальником ГУ МВД по г. Москве. В этом плане цепочка предусматривалась от угла кинотеатра Ударник до угла Большого Каменного моста, то есть проход к Болотной площади сохранялся, что давало гражданам возможность беспрепятственно пройти к месту проведения митинга. Однако, [в суде прозвучали] слова Дейниченко о том, что «они решили сделать цепочку у Малого Каменного моста», причём из молодых, необученных бойцов, без соответствующих средств, в один ряд. И она должна была направлять людей — грамотных, молодых и взрослых, с высшим, иногда с двумя высшими образованиями или с неоконченным высшим — в сторону, как было санкционировано уже полицейскими властями, на Болотную набережную, где стояла сцена. Забыв о том, что мы живём в демократическом государстве, где люди далеко не идиоты, имеют право свободно мыслить, разумно воспринимать окружающую обстановку, задавать вопросы. Людям было непонятно, почему они не имеют права пройти к месту проведения массового мероприятия, санкционированного Правительством г. Москвы, которое должно было состояться по окончании санкционированного шествия, а должны быть загнаны, как рабы именно в то место, куда их направляет цепочка из полицейских, причём, не отвечающих на их вопросы.

Масса людей была большой. И очень сомнительны зачитанные обвинением выводы о том, что несмотря на имеющиеся ограждения, желающие могли пройти к месту проведения мероприятия. Решение части организаторов о том, чтоб присесть на мосту — не бесспорно. Но история не имеет сослагательного наклонения, сложно говорить о том, что бы было, если бы они не приняли такого решения. Тут было сказано про Ходынку адвокатом Мирошниченко, некое напоминание, что было такое в истории России. В истории России был 1905 год, 9 января, Кровавое воскресенье, ассоциации нехорошие. С воскресеньем 6 мая 2012 года они тоже происходят. Когда на протяжении долгого времени мы изучали материалы, опрашивали не просто случайных зрителей, зачитывали тексты, навязанные нам государственным обвинением, Следственным комитетом... Большая часть сотрудников полиции, опрошенных в качестве свидетелей и потерпевших, открыли глаза защите на ряд обстоятельств, которые за собой повлекли ужасные события 6 мая 2012 года. Я говорю «ужасные», но они могли быть ещё хуже. Если подумать, что группа граждан не присела, не остановила сзади напиравшие ряды, что могло бы произойти, если бы такая масса людей была вогнана в это «бутылочное горлышко»? Не знаю.

Защитник Духаниной Борко, рассказывал такие, не побоюсь этого слова, интимные переживания, о которых она ему говорила, у меня наворачивались слёзы на глаза, так мне было её жалко. Я понял ощущения человека, который оказался загнан, в ловушке, в давке огромной. И сегодня в качестве вознаграждения за то, что она претерпела, она находится здесь, вынуждена снова всё переживать. Но ей повезло, она легко отделалась. Когда её прижали к парапету, её спасла группа граждан, которая сидела и не дала основной массе граждан подойти, чтобы не оказаться в этом «бутылочном горле». И Духанину, и других граждан благодаря этому не выбросило с парапета набережной в воду Обводного канала. А там уже дежурили спасатели МЧС на катерах. Это тоже удивительно. 4 февраля, когда был холод, при тех же обстоятельствах, опасность оказаться на льду или в холодной воде была значительно выше. Никто не дежурил. Не было в планах МЧС там дежурить.

Камеры, счастливо расставленные «Минаев-лайф» с наводкой на определённые места, так же косвенно позволяют говорить, что Минаев, будучи просто журналистом, так удачно рассчитал места, где надо производить съёмку, расставить камеры. И, как подчёркивал сейчас Борко, накануне [НРЗБ], обладая определённой информацией, которую он демонстрировал во время прямой трансляции, предугадывая события. Не все состоялось, как я понимаю.

А что должно было произойти? Мы можем подумать. Огромная масса людей, загоняемых в «бутылочное горлышко», законопослушных, надо сказать людей, которые не стали сразу прорывать оцепление, потому что масса, о которой говорили представители обвинения и следствия, включая небезызвестного следователя Гуркина, масса граждан в количестве 30-50 тысяч человек смяла бы эту цепочку полиции, даже не заметив её, имея цель, о которой некоторые тут пытались нам говорить, для того, чтобы двинуться в сторону Кремля. Просто смели, никто бы и не заметил, смешно об этом говорить.

Граждане давились, и давились в сторону набережной, в сторону парапета, потому что вековое уважение к власти не давало возможность многим гражданам осознать, переломить себя и действительно оказать сопротивление противоправным действиям полиции. А в чем была противоправность? Вот у нас тут ссылки обвинение привело на разного рода документы: инструкции, Закон «О полиции» и другие федеральные законы и инструкции, забывая о том, что во всех этих документах в первую очередь говорится всегда о законности и обоснованности. Всегда подчёркивается, что действия властей должны быть законны. Законность выставления цепочки вызывает сомнения. Более того, это преступление, которое не привело к тягчайшим последствиям исключительно благодаря, я считаю, действиям организаторов, опыту тех лиц, которые ранее участвовали в подобных массовых мероприятиях и митингах. То есть когда людям сказали остановиться, они не стали напирать, как стадо, а остановились и стали ждать, что будет происходить. В определённый момент, а этот момент хорошо описал Навальный, который был тут свидетелем, цепочка солдат ни с того ни с сего двинулась к гражданам: на шаг, потом на два. При том, что была давка, была очень плотная толпа, и по разумности, как тут говорил эксперт, который выступал и подготовил хороший доклад по запросу адвоката Динзе, по полочкам была разложена деятельность сотрудников полиции, как она должна была происходить. Эксперт, бывший сотрудник органов, говорил о некомпетентности, а я бы сказал о преступности. Потому что с моей точки зрения, совпадение, которое мы имеем: 6 мая 2012 года и инаугурация 7 мая 2012 года, — вещи между собой связанные. Например, 4 февраля ничего подобного не было, после 6 мая ничего подобного не было, как показывают все свидетели. Мы видели 7 мая 2012 года: инаугурация Президента Путина проходила по пустым улицам города. Некоторые безосновательно называют Путина диктатором. Я думаю, если бы он был диктатором, то у нас толпы граждан стояли бы с бантиками, с розами и приветствовали его кортеж. Не было оппозиции, не было почитателей В.В. Путина из молодёжардейцев, из так называемого движения «Наши».

Судья: «Выступайте по существу, пожалуйста».

Макаров:

Я буду говорить, как считаю нужным, Ваша честь, потому что считаю, что указанные события раскрывают причинно-следственную связь между событиями, которые привели к тому, что мы все сегодня встретились в этом зале по разные стороны баррикад, но тем не менее. Даже знаменитый слесарь Уралвагонзавода, который обещал приехать и разогнать здесь оппозицию, он тоже почему-то не приехал поддержать В. В. Путина.

Я считаю, что на самом деле кто-то планировал организовать эту бойню. С какой целью? Подорвать авторитет власти? Подорвать в мире авторитет нашего Президента В. В. Путина? Этому должна была быть дана оценка СК, Генпрокуратурой. А мы, граждане-избиратели не знаем, почему всё так произошло. Почему всё было поменьяно, граждане были поставлены в странные условия. Кто за это должен нести ответственность? Кривов? Кто-то ещё? Они оказались жертвами, оказались на скамье подсудимых исключительно по воле обстоятельств и злему умыслу каких-то сил, которые не имеют отношения ни к организаторам мероприятия, ни к лицам из их среды. Потому что они не могли выставить направляющую цепочку и не могли делать те действия, которые потом совершались полицией.

Кривов, в частности, все время говорил о полицейском вертолёте, который все время летал и на котором была установлена аппаратура для панорамной съёмки происходившего. Так же неоднократно и он, и я говорили об автомобилях Волна, как минимум двух, с которых велась видеосъёмка. Мы говорили об операторах МВД, второго оперативного полка, других, чья съёмка в огромных количествах должна была быть в материалах дела. Однако мы видим, что у нас основными видеодоказательствами являются съёмки «Невекс-ТВ» (?), «Минаев-лайф», некий любитель-оператор Васильев, который здесь допрашивался — и всё. Оперативная съёмка, очевидно, засекречена, потому что показать её нельзя — иначе дело, наверное, развалится, я предполагаю. Другого я предположить не могу. Потому что если бы было что-то, избобличающее наших доверителей, мы эту съёмку, очевидно, наблюдали бы.

Полиция вместо того, чтобы помочь гражданам сориентироваться, направить их в нужное русло, начинает говорить гражданам, которые находятся на территории разрешённого массового мероприятия... А территория, как мы знаем, до сегодняшнего дня называется «районом Болотной площади», хотя подлежит точному установлению место преступления! А мы все прекрасно знаем, что такого района в Москве нет. До сегодняшнего дня следствие не смогло очертить границы места преступления. Гособвинение тоже не смогло очертить конкретные границы места якобы преступления, или просто места событий 6 мая 2012 года. Называет всё «районом Болотной площади», не привязывая к конкретным улицам, хотя действия каждого гражданина, подсудимого должно иметь конкретное место и время.

В своём выступлении в прениях в качестве времени нам предлагается: «на первом часу пятьдесят девятой минуты шестой секунды записи», я так понимаю, что это именно запись «Минаев-лайф», «запечатлена колонна граждан», и т. д. Это что? Время события? Мы говорили об этом на прошлых заседаниях, называя творчество следователя Гуркина «художественным вымыслом». Мы к этому вернулись. Теперь нам показали, что есть некая любительская съёмка, в рамках которой происходило всё то мероприятие, за которое должны отвечать граждане. Не в 17 часов что-то началось, не в 18, вот как мой доверитель Кривов указывал точное время, или защитник Мирошниченко. У обвинения вся привязка к «Минаев-лайф». Считаю, всё это было разгромлено блестящим выступлением защитника Борко. Подробно было исследовано, не думаю, что этого надо касаться дальше.

Граждане, оказавшиеся на скамье подсудимых, включая моего доверителя Кривова, оказались заложниками неких политических разборок между спорящими за власть в Российской Федерации структурами. И мы сейчас имеем уголовное дело, которое дошло до эпилога, который скоро будет озвучен в виде приговора. Они совершенно не виновны, оказались на скамье подсудимых за какие-то свои мысли и приписываемые умыслы, просто потому что пришли на мероприятие. Думаю, что если бы сотрудники полиции пошли на это

мероприятие в качестве просто граждан, то в этом замесе точно так же могли бы получить от своих коллег этими ПР-73 по разным частям тела, включая голову, как, например, мой доверитель Кривов — до 10 ударов от Алгунова, и Алгунов этого не скрывает!

На видеозаписях хорошо видно, что считающий себя невиновным (более того — пострадавшим!), Моисеев наносит несколько ударов лежащему гражданину, и в ответ на полученное замечание, бросается к моему доверителю Кривову и, схватив его правой рукой за куртку, тянет на себя, что подтверждают свидетели и видеозапись.

В чем вина Кривова? Он не наносит удар в туловище, который ему инкриминирует обвинение в обвинительном заключении, а как мы видим на видео, отстраняется от находящегося в неадекватном состоянии Моисеева, выставив вперёд руки и как бы говоря: «Успокойтесь, товарищ, все нормально, хорошо». И он так это произносит, что Моисеев приходит в себя и отходит от Кривова, как это видно на съёмке, и ходит там дальше по каким-то своим делам. Более того, его руководитель Беловодский, просмотревший материал, не увидел никаких противоправных действий в отношении своего сотрудника со стороны Кривова. Таким образом, следствие, наверное, говорит о каком-то другом эпизоде. Но мы этого не знаем, поскольку у нас нет надлежащего контроля за Следственным комитетом со стороны Генеральной прокуратуры. Доказательства отсутствия контроля имеются прямо в материалах уголовного дела, соответственно, следствие может какие-то бумажки вкладывать, какие-то выкладывать. Допрошенный в судебном заседании Ступак, который явился причинителем вреда по постановлению о признании Моисеева потерпевшим, был привлечён этим постановлением ещё от 4 октября, а изъят из дома при проведении обыска ещё 8 октября. Почему? Это же не выдумка, это факт!

Все показания так называемых потерпевших и свидетелей по этому делу — абсолютно все без исключения первоначальные, которые давались в мае — они разительно отличаются от тех показаний, которые они давали позже. В чем это различие? Как правило, никаких претензий, никаких болевых ощущений, за редким исключением тех сотрудников, которые получили травмы в тот день (как Алгунов, кстати), никто не давал. Но тот же Алгунов даёт показания как свидетель — одни, а как потерпевший — другие. И травма у него характерная: с тыльной стороны запястья, которую он мог получить при тех обстоятельствах, о которых говорил мой доверитель, Кривов Сергей Владимирович. В той ситуации с барьерами, когда Алгунов наносил ему множественные удары по рукам и голове резиновой палкой ПР-73, в том числе иногда попадая по металлическому барьеру и палкой и рукой, он мог себе отбить руку об этот металлический барьер. Это было бы более достоверным способом получения данной травмы, а не как в экспертизе было написано, сразу, когда он попал к врачу. Врач записал с его слов, что травму он получил в результате чьего-то удара то ли шестом, то ли палкой по руке. По тыльной части руки ещё надо попасть. Сверху, как правило, не попадёшь, потому что когда человек держит руки перед собой, он их не выставляет так, чтобы можно было ударить, попасть можно по внешней части (ладони), но не по тыльной. Это обстоятельство игнорируется как следствием, так и обвинением. Потому что есть поставленная задача: привлечь как можно больше лиц к уголовной ответственности. Потому что нельзя же привлечь тех, кто реально организовал это побоище 6 мая 2012 года — разгон демонстрантов. Причём, били демонстрантов, скорее всего, за то, что они не захотели втискиваться в это узкое «бутылочное горлышко», других объяснений у меня, извините, нет.

Для чего нужно было возле Лужкова моста — не на проходе с Лужкова моста, а на набережной — установить некий дополнительный кордон? При том, что люди, кто шёл с Калужской площади и с прилегающей Полянки, прошли через металлодетекторы, это

подтверждают сотрудники полиции. Это указывает на некий замысел, даже преступный умысел. Этот дополнительный кордон металлодетекторов должен был создать дополнительную давку, которая должна была образоваться не в районе Малого Каменного моста, а уже на Болотной набережной, в районе парпетов. Очевидно, и били граждан за то, что они этот коварный замысел сорвали. Почему нужно было разгонять граждан? Почему полицейские (мы неоднократно это слышали, кричали гражданам) что «Ваши действия незаконны, разойдитесь!», если митинг был согласован до 19 часов 30 минут? Почему ещё в районе Калужской площади не предупредили Удальцова? Что, Махонин не знал? Один принял одно решение, другой другое. Не мог Махонин этого не знать, когда предупреждал Удальцова о том, как должны действовать организаторы, как должен проходить митинг и демонстрация. Мне кажется, здесь ответ очевиден.

Ответ очевиден ещё и потому, что защита, в частности, защита Кривова, испытывала постоянное давление в данном процессе. Об этом свидетельствует та непростая позиция, которую занимал сам Сергей Владимирович, его голодовка в связи с незаконным привлечением к уголовной ответственности, отсутствие и неоказание своевременной медицинской помощи, которое привело к двум инфарктам, и вопиющее задержание защитника Кривова Мохнаткина 31 декабря 2013 года на Триумфальной площади. Это беспрецедентно в российской практике, но имеет свои обоснования.

Подсудимым вменяется насилие над сотрудниками полиции. Неоднократно в рамках данного уголовного следствия, в суде можно было услышать претензии к полицейским. Президент Путин сказал, что амнистии не подлежат те, кто применил насилие к полицейским. Статья 212, часть 2, так же, как и 1, подразумевает, что лица (те, кто был амнистирован, я рад за них), могли применять вооружённое сопротивление к представителям органов власти, чего не было в нашем деле.

Значит те, кто мог применять вооружённое сопротивление, амнистированы, а те, кто вооружённое сопротивление не применяли, чьи действия были вызваны необходимой самозащитой от безусловно противоправных действий сотрудников полиции, которые были сегодня описаны в многочисленных выступлениях, — они амнистии не подлежат.

Являются ли у нас сотрудники полиции неприкасаемыми в прямом смысле этого слова? Если какая-то бабушка где-то на светофоре подойдёт к сотруднику полиции, возьмёт его за локоток, скажет: «Милочка, переведи меня через дорогу». Она прикоснулась к нему, более того, отвела немного в сторону, она применила к нему насилие, подлежит уголовной ответственности в той трактовке, которую предлагает нам сегодня обвинение. Кривов, который Моисееву указал на неправомерность его действий в мягкой форме, отстраняясь от него, говоря: «Успокойтесь, ведите себя прилично», он применил насилие к полицейскому. Тогда, извините меня, если полицейский будет тонуть или с ним что-то будет происходить, ему никто не сможет оказать помощь, потому что любой захват его за рукав, вытягивание его в какую-либо сторону, может быть оценено, как совершение каких-то противоправных действий гражданином. Гражданин уже не будет думать, он будет знать, что к полицейскому нельзя прикасаться, пусть тонет. Да? А какая должна быть оценка гражданином, которого кто-то лупит дубинкой по голове? Он должен что сказать? «Товарищ, предъявите мне удостоверение»? «Ваши действия незаконны. Назовите фамилию вашего начальника»? или он должен взять дубинку и, не применяя насилия к полицейскому, просто её забрать? Чтобы человек, который, может быть, неадекватен, может, выпил перед этим... Потому что известно, что никто из полицейских, участвовавших в событиях 6 мая 2012 года, не проходил потом на алкотестере экспертизу. По Москве за этот год более 10 ДТП с участие пьяных

сотрудников полиции, в форме и на служебных машинах. А мы знаем, что иногда люди позволяют себе для бодрости. Ничего в этом такого нет, если не происходит противоправных действий.

Мы много говорили о фантазиях Гуркина. Он многократно узнает всех подсудимых, в том числе и Кривова. При этом не производит техническую портретную экспертизу. Не будучи знакомым с Кривовым, никогда до этого не видя его в жизни (я так понял, что они и на следствии не встречались), он тем не менее пишет во всех местах (протоколах): Кривов сделал то, Кривов сделал это. И гособвинение нам то же самое предъявляет, говоря, что на каких-то кадрах Кривов кого-то за ногу тащит, кого-то обхватил, и т. д., и т. п. Я думаю, что вот эти действия Кривова вообще не подлежат оценке судом, поскольку основаны не на доказательствах, не на показаниях каких-то свидетелей. Ни разу по указанным в обвинительном заключении событиям Кривов не допрашивался, не задавались ему вопросы: он это или не он.

Что странно. Нет ни одного свидетеля противоправных действий Кривова. Это происходило в толпе. Мы наоборот нашли свидетелей, говорящих в защиту Кривова, в давке, где минимальное количество людей, например, у ограждения, могло быть [нрзб], Полина Богданова говорят о том, что они видели, как Кривов получал травмы. Никто не видел, чтобы Кривов кому-то наносил какие-либо удары. Татьяне Конаковой полицейский Моисеев выбил камеру, это чётко видно на видео «Невекс-ТВ», время 10:08:17. Виден процесс, как у неё камера вылетает после его удара. Он имел право это делать? Даже случайно? На съёмке не слышно, чтобы он принёс извинения. Подумаешь, ударил женщину случайно, разве стоит извиняться?

Когда мы говорим о том, что потерпевшие, которые проходят по нашему «Делу двенадцати», теперь сократившемуся до восьми человек, нельзя не сказать, что они же потерпевшие по другим делам, включая дело Косенко. Вчера меня поправили, я не знал, что оно завершилось так, как завершилось. Но есть и другие дела, рассмотренные Замоскворецким судом, по которым к людям была применена амнистия. И те же самые люди по списку, включая Моисеева и Алгунова, других лиц, Филиппова, они так же проходят потерпевшими по многочисленным делам, что, мягко говоря, вызывает удивление. Как-то можно было, наверное, распределить потерпевших на всех, а не чтобы по одним и тем же событиям они проходили потерпевшими от разных лиц. Хотя насилие в отношении Моисеева и Алгунова, якобы осуществлял только Кривов, а не Косенко. Почему у Косенко присутствует Алгунов совершенно не понятно. Почему у Косенко дата допроса Алгунова стоит 18 мая, в деле Кривова — 19, тоже совершенно не понятно. Это не понятно защите, но, видимо, понятно следствию и гособвинению, только они честно не признаются, почему это происходило.

В 1 томе уголовного дела расположены материалы, которые нами не исследовались; которые, может и исследовать не надо, а надо просто знать, что, например, уголовное дело не может быть уголовным делом без постановления о возбуждении уголовного дела. Можно сказать, что не исследовалось, мы просто не видели документов. Тем не менее, хочу сказать, что в уголовном деле 201/459415-12 в первом томе, и вообще в материалах дела постановление о возбуждении уголовного дела отсутствует. Так, между прочим.

Следователь Гивель, который возбуждал уголовное дело, ссылается на материал, который был кем-то изучен, якобы поступивший к нему из ГУВД г. Москвы, не указывает, каким путём к нему поступил некий материал. И вообще номер регистрации в СК по

г. Москве, а так же дата в рапорте Гивеля при упоминании о материале отсутствует. Мы знаем, что значительно позже поступил материал за подписью Дейниченко, где он указывает, что никаких чрезвычайных событий в день 6 мая 2012 года не происходило. Поэтому не понятно, что могло быть основанием для возбуждения уголовного дела.

Также в материалах 1 тома очень много постановлений о приёме дел к судопроизводству. Такие документы, как правило, изготавливаются в двух экземплярах, один остаётся в деле, другой отправляется к прокурору. Если внимательно посмотреть, эти постановления — безусловно разные, неидентичные, присутствуют в двух экземплярах. То есть следователи довольно высокого ранга, которые подобные постановления принимали, не считали нужным информировать прокуратуру о своих действиях. Из этого я делаю вывод о том, что Генеральная прокуратура не осуществляла надлежащий надзор за следствием при производстве расследования данного уголовного дела.

У нас все материалы в копиях, что не делает их доказательствами дела, согласно УПК. Мы изучали копии видеозаписей, копии материалов, постановлений, за редким исключением, — это грубейшее нарушение и должно вести суд при вынесении приговора к надлежащим выводам.

Хочу отметить, что в материалах дела нет заявлений от так называемых потерпевших о совершении в отношении них преступлений. Фактически, можно говорить о том, что они потерпевшими были назначены либо следователем, либо их руководством. Что тоже является с моей точки зрения и с точки зрения права грубейшим нарушением уголовно-процессуального закона.

В нашем уголовном процессе много новаций, что не характерно для обычных дел. Вот эта новация, которую нам предлагает обвинение, что эти «...преступления имеют ряд общих признаков, у них один и тот же субъект, общим элементом являются преступные действия подсудимых, многие признаки которого одинаковы для обоих преступлений. Кроме того, характерные различия объекты в объектах преступлений и преступных последствий, кончавшихся в ряде случаев одним и тем же действием. Преступление как бы расщепляется, одно действие приводит к двум разным последствиям, не охватываемым одной статьёй, особенно частью УК РФ. Страдают две различные группы общественных отношений, два объекта одного посягательства, поэтому невозможно одной 212 и одной 318 статьёй охватить действия подсудимых» (*процитировано выступление гособвинения в прениях*). Мягко говоря... Выступил Мирошниченко очень подробно, я считаю, на этот счёт, очень чётко все им было сказано, адвокатами Пашковым, Панченко тоже было сказано, что нельзя пройти мимо того, что одно из преступлений, совершенных виновным, не должно, согласно закону, быть признаком другого преступления. Поэтому, когда оба деяния, совершенные виновным подпадают под признаки различных уголовно-правовых норм, но одно, в то же время, является в силу закона способом, средством или квалифицирующим признаком другого, — квалификация по совокупности исключается. Здесь налицо одно единственное, или одно единое, преступление. Законодатель это чётко расписал, и соответствующее постановление, и пленум Верховного суда от 27 декабря 2002 года о судебной практике по делам кражи, грабежей и разбоя, про идеальную совокупность публикация [НРЗБ] 2003 год, № 2. Достаточно чётко всё это там изложено.

Конечно, нельзя не отметить, что нахождение в толпе, чинящей массовые беспорядки, — не совершение перечисленных действий. В диспозиции части первой [НРЗБ] очень чётко все перечислено, деяние не может быть квалифицировано по настоящей статье.

Совершенные в ходе массовых беспорядков насильственные действия, такие, как убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью с отягчающими последствиями, другие более тяжкие преступления должны дополнительно квалифицироваться по соответствующим статьям. Так считает законодатель и Верховный суд. Но у нас, мягко говоря, простое насилие, без последствий, которое инкриминируют нашим подзащитным, в частности, Кривову. Таким образом, оно полностью охватывается диспозицией части второй статьи 212 и дополнительной квалификации по части 1 статьи 318 не требуется.

И уже не буду говорить то, что я хотел сказать ещё много, ограничусь обращением к суду с просьбой оправдать моего доверителя и по части 1 статьи 318 и по части 2 статьи 212 ввиду его невиновности в инкриминируемых ему деяниях. У меня всё, спасибо.